

Лето в пионерском галстукe

Про книгу

Юра возвращается в пионерский лагерь своей юности спустя двадцать лет. В руинах прошлого он надеется отыскать путь в настоящее, к человеку, которого когда-то любил. Эта история о том, что в СССР не все было гладко, правильно и безлико. Что были переживания, страсти, влечения и чувства, которые не вписывались в рамки морали на пути к «светлому будущему». И что это будущее оказалось не таким уж и светлым.

ЛЕТО *в пионерском* ТАЛСТУКЕ

Катерина Сильванова
Елена Малисова

18+

кройки и шитья, художественный, физкультурный и кибернетический. Речка — температура воды не ниже двадцати двух градусов. Гречневый суп — на пятничный обед от поварихи Светланы Викторовны. Даже шлягеры на дискотеке из года в год повторялись. Вот и последняя смена началась как обычно — с линейки.

* * *

Отряды подтягивались на площадь и занимали свои места. В солнечных лучах кружили пылинки, в воздухе ощущалось одухотворение. Пионеры стояли счастливые от новых встреч со старыми друзьями. Вожатые командовали подопечными, окидывали площадку строгими взглядами, в которых нет-нет, да и проблёскивала радость. Директор хорохорился — за весну удалось отремонтировать аж четыре корпуса и даже почти закончить строительство нового. И только Юрка был снова не такой, как все, одному ему за пять лет осточертел этот лагерь, одному ему веселиться не хотелось. Даже как-то обидно стало, и отвлечься не на что.

А нет, кажется, нашлось на что. Справа от флагштока в окружении пятого отряда стоял новый вожатый. В синих шортах, белой рубашке, красном галстуке и очках. Студент, может быть, даже первокурсник, самый молодой из вожатых и самый напряжённый. Душистый ветер приглаживал выбившиеся из-под алой пилотки волосы, на бледных ногах краснели свежерасчесанные комариные укусы, сосредоточенный взгляд гулял по детским макушкам, губы непроизвольно шептали: «Одиннадцать, двенадцать, три... тринадцать». Кажется, его звали Володя — Юрка слышал что-то такое возле автобуса.

Протрубил горн, взлетели руки в пионерском салюте, на сцену поднялось руководство лагеря. Воздух сотрясли слова приветствия, загревели пафосные речи про пионерию, патриотизм и коммунистические идеалы, тысячу раз повторённые, заученные Юркой слово в слово, хоть пересказывай. Он старался не хмуриться, но ничего не получалось. Он не верил ни улыбке старшей воспитательницы, ни её горящим глазам, ни пламенным речам. Ему казалось, что ничего настоящего ни в них, ни даже в самой Ольге Леонидовне не было, иначе зачем повторять одно и то же? У искренности всегда найдутся новые слова. Юрке вообще казалось, что все в его стране живут по инерции, по старой привычке произносят

лозунги, дают клятвы, но в глубине души ничего не чувствуют. Что всё это — напускной пафос. Что один он, Юрка, настоящий, а другие — особенно этот Володя — роботы.

Нет, ну разве такой кадр, как он, мог быть живым человеком? Весь из себя идеальный, умница-комсомолец, его будто в оранжерее вырастили под колпаком! Ну правда ведь, как с плаката — высокий, опрятный, собранный, ямочки на щеках, кожа сияет на солнце. «Вот только с шевелюрой неувязочка вышла, — злорадно хмыкнул Юрка, — не блондин». Ну и пусть не блондин, зато причесался — волосок к волоску, не чета всклокоченному Юрке. «Робот и есть робот, — оправдывался он, стыдливо приглаживая вихры, — у нормальных людей волосы на ветру колом стоят, а у этого, ишь ты, только приглаживаются. Пойти, что ли, в кибернетический записаться?»

Юрка так крепко задумался и так засмотрелся на Володю, что едва не пропустил самое главное — подъём флага. Благо соседка стояла рядом, одёрнула. Он и на флаг посмотрел, и «взвейтесь кострами синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих» пропел как положено. Только после «всегда будь готов» снова уставился на Володю и стоял как болван до тех пор, пока пятый отряд не начал расходиться. Вожатый, поправляя очки, ткнул себя в переносицу и зашептал: «Двенадцать... Ой! Тринадцать... Трина...» — и ушёл вслед за детворой.

* * *

Юра угрюмо покачал головой, ещё раз обводя взглядом площадь. Время не щадит ничего и никого — вот и место, такое родное, потому что именно здесь Юра впервые увидел своего «В», зарастало лесом. Пройдёт лет десять, и тут будет совсем уже не пройти сквозь ветви густого ясенелистого клёна, а случайного путника не на шутку испугают выглядывающие из поросли части гипсовых тел пионеров. Или будет ещё хуже — стройка доберётся досюда, лагерь снесут, а на столь дорогих Юриному сердцу местах вырастут коттеджи.

Юра побрёл в западный угол площади к дорожке, по которой вожатые уводили младших пионеров после линейки. Дорога вела его дальше, к реке, но он стоял на месте и выискивал теряющуюся в траве тропинку. Ориентируясь больше на память, чем на то, что

видели глаза, узнал развилку: слева виднелись очертания спортплощадки и корта, а справа, чуть подалее, можно было рассмотреть остатки корпусов малышни. Но Юра повернул обратно, на площадь, и направился в другую сторону, к эстраде и кинозалу. Он брёл, озираясь на высокие деревья, и ему казалось, что всё вокруг — какой-то странный сон. Он вроде узнавал эти места: вон там, на возвышении, виднелись щитовые, а если пройти дальше, можно оказаться у кладовых. И, воскрешая в памяти картинку, переживал щемящее чувство — тёплое и родное. Но в то же время к нему примешивалась горечь: всё здесь было чужим и незнакомым.

Вскоре он оказался на эстраде — месте, где началась его история, их история. Недолгая, но такая яркая, что согревала своим светом огромную часть его жизни.

Огороженная низеньким повалившимся забором танцплощадка с ракушкой-сценой когда-то была украшена красными флагами и расписными плакатами «Слава КПСС» и «Мы — юные ленинцы», старыми даже для Юриного времени. Под ногами валялся рваный, выцветший, грязно-оранжевый плакат-растяжка со стихами. Стоя на рваной тряпке, Юра посмотрел вниз. Прочёл, что смог разглядеть: «Как повяжешь галстук, береги...» — и отвернулся. Справа от сцены традиционно висела одна из копий распорядка дня. Теперь единственная сохранившаяся строчка сообщала, что четыре тридцать — это время для общественно полезных работ. Слева, на самом краю танцплощадки, всё ещё высился Юркин наблюдательный пункт — величественная трехствольная яблоня. Когда-то увешанная тяжёлыми плодами и гирляндами, а теперь высохшая, искорёженная и поломанная. На неё уже не удалось бы взобраться — рухнет. Впрочем, Юрка и раньше падал с неё — двадцать лет назад, когда по поручению вожатой вешал на дерево пёстрые электрические гирлянды.

Это-то и было его первым заданием, которое настигло в самом начале смены. Юрка и опомниться не успел.

* * *

После торжественной линейки он заселился в корпус, затем телом, но не головой поприсутствовал на собрании отрядной дружины, а после обеда сразу пошёл на спортплощадку знакомиться с новыми

ребятами и искать товарищей с прошлых смен. По радио приветствовали всех новоприбывших. Передали, что метеорологи сильных осадков в ближайшую неделю не обещают, пожелали активно и полезно отдыхать и наслаждаться солнцем. Юрка моментально узнал зычный низкий голос Митьки — он играл на гитаре, хорошо пел и в прошлом году так же вещал из радиорубки.

Среди новых лиц мелькнуло несколько знакомых. Возле теннисного корта щебетали Полина, Ульяна и Ксюша. Юрка заметил их ещё на линейке — снова они в одном отряде, пятый год подряд. Он помнил их сопливыми десятилетками — между Юркой и девочками сразу почему-то не заладились отношения. Теперь они выросли, расцвели, стали настоящими девушками... Но даже несмотря на это, Юрка не проникся к ним симпатией, упрямо продолжая недолюбливать этих троих говорливых подружек-сплетниц.

Ванька и Миха — соотрядники, закадычные Юркины товарищи, синхронно помахали ему. Он кивнул в ответ, но подходить не стал — сейчас засыплют вопросами о том, как у него год прошёл, а Юрке совсем не хотелось отвечать, что «как всегда не очень», а потом ещё объяснять почему. Этих ребят он тоже знал с детства. Единственные, с кем он более или менее общался. Ванька и Миха были скромными парнями-ботаниками, прыщавыми и смешными. С девочками не особенно дружили — не складывалось, зато Юрку уважали. Он подкупал это их уважение сигаретами, которые они иногда вместе раскуривали, сбегая с тихого часа и прячась за оградой лагеря.

Маша Сидорова тоже стояла неподалёку, растерянно оглядывалась по сторонам. Юрка был с ней знаком уже четыре года. Она точила зуб на Полину, Ульяну и Ксюшу, была надменной и на Юрку всегда смотрела свысока. Зато прошлым летом хорошо общалась с Анютой.

Вот Анюта была замечательной, она очень нравилась Юрке. Он дружил с ней и даже дважды приглашал танцевать на дискотеке. И она — что главное — ни разу ему не отказала! Юрке нравился её звонкий залиvistый смех. А ещё Анюта была одной из немногих в прошлом году, кто не отвернулся от него после того случая... Юрка отогнал от себя эту мысль, не желая даже вспоминать о том, что тогда произошло и как пришлось извиняться позже. Он опять оглядел спортплощадку, надеясь, что Анюта где-то здесь, но её нигде не было. И на линейке он

её не видел, и, судя по тому, как растерянно оглядывалась Маша вокруг, ища подругу, надежды вовсе не было никакой.

Спросив у Маши об Ане и получив ответ «Похоже, не будет», Юрка сунул руки в карманы, насупился и пошёл по тропинке вверх. Думал об Анюте — почему не приехала? Жаль, что они тогда подружились только к концу смены. Потом разъехались, и всё: Анюта осталась единственным светлым воспоминанием о «Ласточке» того года. Она рассказывала, что у её отца какие-то проблемы то ли с партией, то ли с работой... Говорила, что очень хочет приехать снова, но не знала, получится ли. И вот — не получилось, видимо.

Юрка раздражённо пнул ногой нижние ветки пышного куста сирени, что рос у электрощитовых. Он не любил её приторный, липнувший к носу запах, но забавы ради остановился и стал выискивать пятилистные цветочки: когда-то мама рассказала, что если найти такой и прожевать, загадав желание, оно обязательно сбудется. Знать бы ещё, что загадывать. Раньше, год-полтора назад, были и мечты, и планы, а теперь...

— Конев, — раздался сзади строгий голос вожатой Юркиного отряда, Ирины. Юрка стиснул зубы и обернулся. На него подозрительно смотрела пара ярко-зелёных глаз: — Что ты тут один бродишь?

Ирина вот уже третий год была вожатой в его отряде. Строгая, но добрая невысокая брюнетка — одна из немногих в «Ласточке», кто находил с Юркой общий язык.

Юрка втянул голову в плечи.

— Ну Марь Иванн... — протянул он, не поворачиваясь.

— Что ты сказал?

С тихим треском Юрка отломил ветку сирени с самым большим и пышным соцветием. Развернулся, протянул вожатой:

— Цветочками люблюсь. Вот, Ира Петровна, это вам!

Юрка был единственным, кто принципиально называл её по имени и отчеству, не догадываясь о том, что Иру это очень обижало.

— Конев! — Ира покраснела и явно смутилась, но строгости в голос прибавила: — Ты нарушаешь общественный порядок! Хорошо, что я тебя увидела тут, а если бы кто-то из старших воспитателей?

Юрка знал, что вожатая никому на него не пожалуется. Во-первых, ласковая даже в строгости, Ира почему-то жалела его, а во-вторых, за

непослушание подопечных вожатые сами могли получить выговор, вот и старались всё решить, не привлекая начальство.

Она вздохнула и упёрла руки в бока:

— Ну ладно, раз уж ты тут бездельничаешь, у меня есть для тебя важное общественное задание. После отбоя найдёшь Алёшу Матвеева из третьего отряда — он такой рыжий и в веснушках. Пойдёшь с ним к завхозу, попросите две лестницы и несите их к эстраде. Там я вам выдам гирлянды, нужно будет развесить для вечерней дискотеки. Всё понятно?

Юрка немного огорчился, планировал на речку сходить, а теперь вместо этого на лестнице балансируй. Но кивнул. Неохотно. А Ирина прищурилась:

— Точно всё понятно?

— Точно, Марьива... Тьфу ты... Так точно, Ира Петровна! — Юрка щёлкнул отсутствующими каблуками.

— Конев, ты допаясничаешься, мне твои шуточки ещё с прошлой смены надоели!

— Извините, Ира Петровна. Всё ясно, Ира Петровна. Будет сделано, Ира Петровна!

— Иди, безобразник. Да побыстрее!

Алёша Матвеев оказался не только рыжим и веснушчатым, но и лопоухим. Он тоже не первый год приезжал в этот лагерь и тараторил без умолку о прошлых сменах. Хаотично перескакивал с темы на тему, упоминал имена и фамилии, то и дело спрашивая: «А этого знаешь? А вот того помнишь?» И торчали у Алёши не только рыжие кудряшки да уши, но ещё и зубы, особенно когда он улыбался, а улыбался он всегда. Из Алёши буквально била энергия и жажда жизни, он был смешным и солнечным. И ужасающе деятельным. «Ужасающе» потому, что Матвеев был из разряда тех людей, которые могут утопить рыбу. Поэтому каждый человек в лагере, прежде чем дать ему задание, очень и очень хорошо думал и взвешивал.

С гирляндами они справились довольно быстро. Уже через час несколько окружающих деревьев были обмотаны проводами с лампочками, по сцене протянули и закрепили самые красивые «свечки». Оставалось только на яблоню забросить провода. Юрка окинул дерево профессиональным взглядом и полез на стремянку. Любимую яблоню хотелось сделать не только самой красивой, но и

самой удобной — чтобы, тайком лазая по ней, не зацепиться за провод. Держа лампочку в одной руке, второй схватившись за толстый сук, Юрка переступил со ступеньки на ветку, намереваясь закрепить гирлянду повыше.

Раздался сухой треск, затем вскрик Алёшки, потом Юрке оцарапало щёку, картинка перед глазами смазалась на пару секунд, затем в спине и пятой точке вспыхнула боль, а в довершение всему в глазах ненадолго потемнело.

— Мамочки! Конев! Юрка, Юр, ты как, ты живой? — Ира склонилась над ним, прикрывая руками рот.

— Живой... — прокряхтел он, садясь и держась за спину. — Ударился больно...

— Что болит, где болит? Рука, нога, где? Здесь?

— Ай! Сломал!

— Что сломал? Юра, что?!

— Да гирлянду эту сломал...

— Да бог с ней, с гирляндой, главное...

Юрка привстал. Все двадцать человек, готовивших площадку к празднику, окружили пострадавшего и выжидательно уставились на него. Потирая ушибленную ладонь, Юрка улыбнулся, стараясь спрятать боль за улыбкой. Он очень боялся потерять репутацию непробиваемого и мужественного парня. Не хватало ещё жаловаться на ушиб и прослыть нытиком, слабаком и слюнтяем. И ладно бы только рука со спиной болела — копчик, чтоб его, ныл! Признайся в таком — засмеют: «Коневу хвост подбили».

— Да что вы говорите? «Бог с ней»? — вмешалась старшая воспитательница, суровая Ольга Леонидовна, второй год подряд точащая на Юрку зуб. — Как это понимать, Ирина?! Гирлянда — имущество лагеря, кто за неё платить будет? Я? А может, ты? Или ты, Конев?

— А что я сделаю, если у вас лестницы шаткие?

— Ах, лестницы шаткие? А может, это всё-таки ты виноват, разгильдяй? Только посмотри на себя! — она строго ткнула пальцем Юрке в грудь. — Галстук — ценнейшая для пионера вещь, а у тебя он грязный, рваный и повязан криво! Как не стыдно в таком виде по лагерю... да что по лагерю — на линейку в таком виде явился!

Юрка взялся за кончик красной ткани, быстро посмотрел — и правда, грязный. Испачкался, когда падал с яблони?

Юрка начал оправдываться:

— На линейке галстук был правильно завязан, он сбился, потому что я упал!

— Потому что ты тунеядец и вандал! — Ольга Леонидовна брызнула слюной. Юрка оторопел. Не найдя, что ответить, он молча стоял и слушал, как она его хает. — Пионерия два года как перерос, а в комсомол вступать даже не думаешь! Или что, Конев, не берут? Не заслужил? В общественной деятельности не участвуешь, отметки из рук вон плохие — конечно, не берут, какой же из хулигана комсомолец!

Юрке бы сейчас радоваться — наконец вывел воспиталку на откровенность, да ещё и при всём честном народе, но её последние слова всерьёз обидели.

— Никакой я не хулиган! Это у вас тут хлипкое всё, скрипит, а вы... а... а вы...

Вся правда была готова слететь с языка. Юрка вскочил на ноги, набрал воздуха в лёгкие, собираясь орать и... вдруг задохнулся — кто-то увесисто ткнул его в ушибленную спину. Это была Ира. Она выпучила глаза и шикнула: «Тихо!»

— Что же ты остановился, Юра? — сощурилась воспитательница. — Продолжай, мы все тебя очень внимательно выслушаем. А потом я позвоню родителям и такую характеристику для тебя напишу, что ни комсомола, ни тем более партии тебе не видать как своих ушей!

Ольга Леонидовна, очень худая и очень высокая, нависла над ним, зашевелила бровями, сверкнула гневом из глаз, видимо, пытаясь его ослепить, и никак не унималась:

— Всю жизнь будешь полы мести! И как тебе не стыдно такую фамилию позорить?

— Ольга Леонидовна, но вы ведь нам сами говорили, что нельзя на ребенка кричать, — Ира осмелилась её пристыдить.

Вокруг уже и так собралось много народу. Слыша ругань, подходили и другие, а воспитательница при всех кричала на вожатую, а теперь и на Юрку.

— А с ним другие методы не работают! — парировала старшая воспитательница и продолжила обвинять Юрку: — В первый же день устраиваешь погром в столовой, теперь вот ломаешь гирлянды!

— Это случайно вышло, я не хотел!

Юрка правда не хотел ничего такого устраивать, а тем более в столовой! На обеде, когда относил грязную тарелку, он перебил половину посуды. Случайно уронил свою на стопку других тарелок, тоже грязных, составленных абы как. Тарелка поехала вниз, скатилась на другие, которые тоже поехали, и всё это безобразие со страшным грохотом рухнуло на пол и разбилось. Конечно, все заметили, поллагеря сбежалось на шум, а он стоял, разинув рот, красный, как рак. Не хотел он такого внимания! Юра вообще никогда не хотел внимания, даже в сельпо в соседнюю деревню бегал один, лишь бы было тише. И сейчас тоже — грохнулся с яблони, его отчитывают за какую-то лампочку, и все на это смотрят! Даже те, кто должен своими делами заниматься, стоят и смотрят, а претензии как бездельнику предъявят одному только Юрке!

— Ольга Леонидовна, пожалуйста, простите на первый раз! — снова вмешалась Ира. — Юра — хороший мальчик, он повзрослел, исправился с того года, правда, Юр? Он ни при чем, это лестница шаткая, его бы в медпункт...

— Ирина, это уже чересчур! Как тебе не стыдно, мне, коммунистке с тридцатилетним стажем, врать прямо в глаза?!

— Нет, я не...

— Я без твоих подсказок видела, что Конев с лестницы на ветку полез. Выговор тебе, Ирина, строгий! Будешь знать, как покрывать диверсантов!

— Да что же вы, Ольга Леонидовна, какая диверсия!

— Одного выговора мало, ещё добавить?

— Нет. Конечно нет. Просто Юра — он ведь ещё ребёнок, у него энергии много. Ему бы эту энергию направить в правильное русло...

— Хорош ребёнок — рост метр восемьдесят!

С ростом она, конечно, преувеличила. Юрка, дай бог, чтобы Леонидовну перерос, но Бога в СССР не было. «Метр семьдесят пять», — объявили на медкомиссии. Ни сантиметром больше.

— Он — мальчик творческий, ему бы в кружок поактивнее, — продолжала канючить Ира Петровна. — Вот спортивная секция у нас

есть, да, Юр? Или вот... театральный кружок открылся, а у Володи как раз мальчиков мало. Пожалуйста, дайте ему шанс, Ольга Леонидовна! Под мою ответственность.

— Под твою ответственность? — оскалилась старшая воспитательница.

Юрка было подумал, что это провал, но вдруг Ольга Леонидовна обернулась, взглянула на Володю и хмыкнула. Володя, который как раз вытаскивал аппаратуру для дискотеки из кинозала, услышав своё имя, побледнел и нервно моргнул.

— Ладно... Под твою персональную ответственность до первого предупреждения. — Она взглянула на Юрку: — Конев, если хоть что-то пойдёт не так, отвечать будете оба. Да-да, ты не ослышался, за твои промахи будет наказана Ирина, может, хоть это тебя остановит. Володя! — Она крикнула ему, а тот отступил на шаг назад, будто со страху.

Вдруг его острый взгляд переметнулся на Юрку, и Володя вмиг изменился — раздумялся, расправил плечи и смело шагнул к воспитательнице.

— Да, Ольга Леонидовна?

— Принимай нового актера. А чтобы не вздумал филонить, если с кружком тебе потребуется помощь, расширим обязанности Конева. О его успехах докладывать ежедневно.

— Хорошо, Ольга Леонидовна. Конев... Юра, кажется, да? Репетиция начнётся в кинозале сразу после полдника. Пожалуйста, не опаздывай.

«Па-а-ажалуйста», — мысленно передразнил Юрка, хотя Володин голос оказался красивым. Чуть ниже стандартного баритона, шелковистый, приятный, но совсем не певчий, не поставленный. И из-за того, что Володя вычурно тянул «а», его строгий тон показался Юрке смешным и немного раздражающим.

Вблизи вожатый перестал казаться испуганным, наоборот, когда он подошёл поближе и посмотрел на Юрку, будто переменялся — деловито поправил за дужку очки, вздёрнул подбородок и чуточку свысока взглянул на него. Юрка, достававший Володе до носа, качнулся на пятках и сообщил:

— Понял, буду вовремя.

Володя кивнул и посмотрел в сторону — на ребят, копошащихся с проводами у динамиков. И, строго прикрикивая на ходу: «Ну что вы делаете! Это провода от цветомузыки!», бросился к ним.

Юрка отвернулся. Танцплощадка гудела, как растревоженный улей. Деловитые пионеры снова принялись заниматься кто чем: что-то вешали, что-то чинили, красили, мыли и подметали, а позади Юрки, на эстраде, натужно скрипели верёвки. Ребята собирались вешать плакат-растяжку, который лежал на сцене. Завхоз Саныч скомандовал громовым голосом: «Тяни!» Верёвки вжикнули, и над самой Юркиной головой взлетела широкая, ярко-алая тканевая полоса с белоснежной надписью.

Юрка хмыкнул, дёрнул порядком ободранный краешек своего пионерского галстука и с презрением проскандировал надпись: «Как повяжешь галстук, береги его! Он ведь с красным знаменем цвета одного!»

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ